

Глава 2. Новая встреча

Цзянь Дафан сидел на стуле, одной рукой прижимая грудь, а другой затягиваясь самокруткой. Дым клубами поднимался к потолку.

Едва Ли Чунь вошёл, как застыл при виде этой картины и встревоженно спросил:

— Что с тобой?

— Что тебе наговорил этот парень? В прошлый раз ты выглядел таким только во время выборов деревенского старосты, — добавил он.

Цзянь Дафан не ответил. Лишь когда последняя искра табака догорела у него в пальцах, он хриплым голосом, медленно и отчётливо, сказал своему фулану:

— Запомни. Пока Цзянь Цинъюй живёт в этой деревне, если только не случится чего-то совсем уж неподвластного человеку — ты должен быть на его стороне.

Ли Чунь беспомощно вздохнул, видя его серьёзность:

— Но нельзя же помогать человеку, даже если он неправ. А если виноват будет именно он?..

— Помогай ему, — резко перебил Цзянь Дафан и поднял на своего фулана мутный, тяжёлый взгляд.

На этот раз Ли Чунь по-настоящему опешил.

И дело было не только в том, что лежало сейчас у Дафана за пазухой.

За те несколько коротких встреч с Цзянь Цинъюем он так и не сумел разглядеть его прежде: ни в речи этого человека, ни в его осанке, ни в самой его ауре... даже у уездного чиновника, которого Дафан видел всего дважды, не было подобного.

Чтобы не стать предметом чужого любопытства и пересудов, покинув дом старосты, Цзянь Цинъюй снова свернул на тропинку в обход.

Узкая дорожка тянулась вдоль реки. Было видно, что когда-то здесь ходили люди, но их следы уже почти скрылись под буйно разросшимися высокими дикими травами и цветами.

Полевые травы и цветы были самых разных видов, но объединяло их одно: стоило задеть открытую кожу — и они тут же оставляли жгучий зуд.

Однако Цзянь Цинъюй будто вовсе ничего не чувствовал. Не меняясь в лице, он спокойно шёл сквозь заросли.

Травы качались, ветви колыхались. Среди зелени медленно двигался юноша с бледным лицом, и лишь его алые губы напоминали киноварь на белом нефрите. Казалось, сама зелень почтительно расступалась перед ним.

Рядом журчала река — прозрачная, словно зеркало, отражавшая зелёные ветви у берега.

Цзянь Цинъюй прикрыл глаза, расслабившись, и неспешно пошагал навстречу весне.

Это были спокойные дни, выкупленные ценой собственной жизни.

— Цзянь Цян, чего тебя опять надо?!

Цзянь Цинъюй: «...»

Голос прозвучал внезапно и совершенно не к месту.

Цзянь Цинъюй открыл глаза. В глубине его взгляда мелькнула тень.

У реки Линь Жун смотрел на знакомую отвратительную рожу перед собой. Раз за разом, снова и снова — копившийся так долго гнев расплзался по его всё ещё красивому, хоть и слегка смуглому лицу.

Прошло уже немало времени, а Цзянь Цян всё так же оставался тощим, словно жердь. Услышав слова стоявшего перед ним гера, он мерзко ухмыльнулся, обнажив жёлтые зубы:

— Линь Жун, завтра я приду к тебе свататься.

Линь Жун глубоко вдохнул и в очередной раз повторил человеку, который, как ему казалось, попросту не понимал человеческой речи:

— Я не выйду за тебя.

С этими словами он снова вытащил оружие, висевшее у пояса, надеясь, что на этот раз тот всё-таки уберётся по-хорошему.

Но Цзянь Цян и двое его спутников явно пришли подготовленными. Увидев широкий острый тесак, они несколько не испугались. Более того, Цзянь Цян даже сделал пару шагов прямо навстречу лезвию, всем видом показывая свою уверенность.

В сердце Линь Жуна зародилось дурное предчувствие. Лицо его побледнело ещё сильнее, но рука с оружием оставалась неподвижной и твёрдой, даже когда мужчина был уже почти вплотную.

— Ты смерти не боишься? — не поверил Линь Жун.

Цзянь Цян расхохотался:

— Ты не посмеешь.

Едва он договорил, как рука Линь Жуна резко двинулась вперёд.

— Посмею, — холодно бросил он.

Увидев, что лезвие и вправду вот-вот коснётся его, Цзянь Цян от страха взвился на месте и, захлёбываясь яростью, заорал на Линь Жуна:

— Только посмей сегодня сопротивляться! Ты больше никогда не увидишь своего отца!

Зрачки Линь Жуна резко сузились, лицо мгновенно побелело.

— Ты тронул моего отца?!

— Что ты с ним сделал?!

Видя, как всегда спокойный и твёрдый человек так перепугался, Цзянь Цян мерзко ухмыльнулся, наслаждаясь собой:

— Ха-ха-ха! Не бойся, пока с ним всё в порядке. Конечно... если будешь послушным, я гарантирую, что твой отец вернётся домой целым и невредимым! Даже кусочка мяса не потеряет.

Дыхание Линь Жуна стало рваным. Его рука, сжимавшая тесак, задрожала.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Прыгай вниз.

Цзянь Цинъюй, наблюдавший за происходящим неподалёку, холодно усмехнулся.

Во время противостояния самое опасное — когда враг ещё не сделал ни шага, а твоя собственная линия обороны уже рухнула.

Цзянь Цян всегда цеплялся к Линь Жуну исподтишка. Не только потому, что сверху его сдерживал деревенский староста, но и потому, что, несмотря на всю свою подлость, он пока ещё не совершал по-настоящему страшных злодеяний. Ни ума, ни смелости у него не было — одна пустая показушная смелость. Самым «смелым» местом у него был язык.

Тронуть отца Линь Жуна? Не говоря уже о наказании от уездных властей, сам обезумевший Линь Жун сделал бы так, что Цзянь Цяню жизнь стала бы хуже смерти.

Он попросту не посмел бы.

Сквозь качающиеся ветви пронёсся горный ветер. Прищурившись, Цзянь Цинъюй равнодушно смотрел на это побледневшее от ярости и унижения лицо.

Кто-то ради крошечной выгоды собственными руками сталкивает родных в бездну.

А кто-то готов согнуться, отказаться от самого себя лишь из-за малейшей угрозы тем, кого любит.

Цзянь Цинъюй прислонился к дереву. Тень листвы скрывала верхнюю половину его лица, не позволяя разглядеть выражение.

Раздался громкий всплеск — Линь Жун прыгнул в реку.

Этот участок находился ниже по течению: вода здесь текла медленно и была не слишком глубокой. К тому же Линь Жун умел плавать, поэтому держался так, чтобы голова оставалась над водой. Его мокрые волосы прилипли к лицу, а покрасневшие глаза неотрывно смотрели на стоявшего на берегу Цзянь Цяна.

От такого взгляда у Цзянь Цяна по спине пробежал холодок. Он взорвался от стыда и злости:

— Чего уставился?! Или уже не хочешь снова увидеть своего отца?!

Исток реки брал начало в горных ключах. Спускаясь с гор, тонкий ручей постепенно превращался в бурную реку — основу жизни всей деревни Дахэ.

До лета было ещё далеко, так что вода оставалась ледяной. Линь Жун пробыл в ней совсем

недолго, но его лицо уже стало болезненно бледно-синим, а всё тело дрожало от холода.

Стоявший рядом Да Ню нерешительно пробормотал:

— Старший дядя... может, всё-таки дадим ему выйти из воды? А то ещё и правда замёрзнет до беды...

Но Цзянь Цян, распалённый собственными эмоциями, уже ничего не слышал:

— Пусть эта шлюха, которая не знает своего места, наконец поймёт, что к чему! Да кому он ещё нужен в нашей деревне, кроме меня?! И ещё смеет раз за разом мне отказывать!

— Но...

— Да заткнись ты! — рявкнул Цзянь Цян. — Здесь не тебе рот раскрывать!

Да Ню вздрогнул от крика. Стоявший рядом Да Люй потянул его за рукав, и тот больше не посмел произнести ни слова.

...

Цзянь Цян приходился им двоюродным дядей по старшей линии, единственным сыном их двоюродного прадеда.

Отец Да Ню рано лишился собственного отца, и из старших родственников у него остался только этот двоюродный дядя. Тот хорошо к нему относился, но тоже умер довольно рано. Поэтому отец Да Ню почти как родного сына опекал младшего кузена Цзянь Цяна... даже куда сильнее, чем собственных детей, Да Ню и Да Люя.

Время тянулось медленно.

Тело Линь Жуна уже окоченело от холода, вместе с ним притупился и слух. В ушах стоял лишь глухой плеск текущей воды.

Внезапно перед глазами потемнело.

Будто провалившись в бездну, Линь Жун вздрогнул от ужаса и резко прикусил мягкую плоть во рту. Боль немного прояснила сознание.

Дрожа, он выдохнул облачко белого пара.

Он боялся, что стоит ему закрыть глаза и больше он их уже не откроет.

Что тогда будет с отцом?..

Отец...

Ледяная вода, наоборот, сделала его разум предельно ясным. Всё, чего он не сумел понять в панике и страхе, теперь стало очевидным.

Тяжело выдохнув, он бросил взгляд на самодовольного человека на берегу.

В дрожащем отражении на поверхности воды алели глаза, полные жестокости.

— Старший дядя! Старший дядя! — вдруг закричал Да Люй, вырывая Цзянь Цяна из сладких фантазий о том, как после свадьбы Линь Жун будет прислуживать ему, словно скотина.

Раздражённый тем, что ему помешали мечтать, Цзянь Цян вздул жилы на худом лице и отвесил Да Люю оплеуху по затылку:

— Чего орёшь?! Я тебе сейчас поору! Чего визжишь, как резанный?!

Но перепуганный Да Люй уже не чувствовал боли. Он дрожащей рукой указывал на реку:

— Ч-человек... человек пропал!

— Какой ещё человек про...

Гнев на лице Цзянь Цяна застыл. Он резко обернулся к реке.

Пусто.

Спокойная гладь воды.

Ни человека. Ни даже тени...

От прежнего высокомерия и самодовольства не осталось и следа — только страх.

— Где?! Где он?!

Река оставалась неподвижной и тихой. У Цзянь Цяна пересохло в горле.

— Всё кончено! Мы убили его! Мы убили человека!

Да Ню и Да Люй, которые прежде максимум помогали Цзянь Цяну зажимать людей по углам, никогда не сталкивались с подобным. Их самообладание рухнуло в один миг, и, вопя от ужаса, они оба бросились бежать.

И вместе с их криками последняя опора внутри Цзянь Цяна тоже рассыпалась.

Отшатнувшись на пару шагов, он смотрел на спокойную, до боли знакомую реку. В его глазах остался только панический страх... страх, что кто-то узнает о совершённом убийстве.

— Как... как так... прошло ведь всего ничего... Проклятая шлюха! Тварь! Даже столько не смог выдержать...

— Это ты обо мне?

Полный страха и ярости вопль резко оборвался.

С берега налетел горный ветер, подняв несколько мокрых, но всё таких же мягких прядей волос. Они проскользнули перед глазами Цзянь Цяна, пока тот ошеломлённо застыл.

Он еле повернул голову.

Перед ним стоял Линь Жун.

Промокший насквозь. Тонкая одежда облепила изгибы тела, а мокрые чёрные волосы прилипли к бледному, бескровному, но всё ещё красивому лицу.

Цзянь Цян ещё не успел выдохнуть с облегчением, как внезапно почувствовал резкую боль.

— А-а-а!!!

В одно мгновение они поменялись местами.

Теперь в реке барахтался уже Цзянь Цян, а Линь Жун стоял над ним на берегу, глядя сверху вниз.

Цзянь Цинъюй, всё это время так и не ушедший, наблюдал за этой сценой, и в его глазах мелькнул тёмный отблеск. Уголки губ едва заметно приподнялись.

На этот раз ему действительно стало любопытно.

Как такой человек, жёсткий, упрямый, даже по-своему неглупый, мог в книге покончить с собой лишь из-за слухов, которые даже не причинили ему настоящего вреда?

Увидев, как знакомый тесак снова оказался у чьего-то горла, теперь уже у человека, барахтающегося в воде, Цзянь Цинъюй без колебаний развернулся и ушёл.

Спектакль закончился...

Пора домой.

В тот день стояла прекрасная погода.

Вернувшись с гор, Цзянь Цинъюй сидел в заросшем сорняками дворе и крутил в руках деревянную палку. В памяти всплывало бледное, мокрое и жалкое лицо Линь Жуна. Он лениво подумал пару секунд о том, чем всё закончилось, а потом тут же выбросил это из головы, снова сосредоточившись на своём занятии.

Спустя некоторое время:

— Цк.

Цзянь Цинъюй молча смотрел на курицу, которую пытался запечь.

Снаружи она уже превратилась в обугленный кусок угля, а внутри мясо оставалось сырым и даже сочилось кровью.

Он бесстрастно уставился на это нечто, уже совершенно не похожее на еду.

«...»

Желудок скручивало всё сильнее.

Цзянь Цинъюй поднял руку и затушил костёр, после чего большими шагами направился на кухню.

Ладно.

Лучше уж сварить рис.

Пусть он тоже подгорит, зато хотя бы верхний слой можно будет съесть.

<http://bllate.org/book/17612/1638521>